

А. А. Потебня

**Из записок по русской
грамматике**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. А. Потебня**
Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня – М.: Книга по Требованию,
2012. – 548 с.

ISBN 978-5-458-01100-6

1. Введение. 2. Члены предложения и их замены. Изд. 2-е, испр. и доп.

ISBN 978-5-458-01100-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сочетаніе его съ былъ, буду.....	374
съ другими глаголами и именами	377
со вторымъ именительнымъ	382

Неопр. накл. объективное:

Винительный съ неопредѣленнымъ, однимъ или имѣющимъ при себѣ второй винительный	384
Дательный съ неопредѣленнымъ наклоніемъ.....	388
Неопредѣленное наклон. съ явнымъ или подразумеваемымъ дательнымъ при безличномъ сказуемомъ	400
Неопредѣл. наклоніе съ мѣсть (опущеннымъ) въ условномъ сочетаніи предложеній	411
Неопредѣл. накл. быти (мѣсть) съ другимъ неопредѣленнымъ.....	412
Неопредѣл. накл. съ мнимо-страдательнымъ значеніемъ	414
Неопредѣл. накл. (какъ субъективное, такъ и объективное), связанное съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова	419
Неопредѣл. накл. съ бы и союзами, сложными съ бы	435
Неопредѣл. накл. абсолютное	439

Творительный падежь.

Отношеніе къ предыдущему изслѣдованію. Разногласіе относительно разви- тія значеній творительнаго	443
[Въ видѣ отступленія:]	
Творит. соціативный	446
— мѣста	449
— времени	451
— орудія	456
— условленный страдательн. сказуемымъ.....	466
— условленный именемъ и нарѣчіемъ и тв. отношенія... ..	472
— причины	480
— образа дѣйствія	483

Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи:

Различные взгляды на него	493
Связь его съ творительн. образа	493
Творительный аппозитивный	505
Творительный предикативный на мѣстѣ второго косвеннаго падежа суще- ствительныхъ	507
Творительный на мѣстѣ предикативнаго именительнаго существительныхъ, при глаголахъ болѣе энергичности	509

	<i>Стран.</i>
Именительный и творительный предикативный прилагательных	516
Общая замѣчанія объ этихъ падежахъ въ русскомъ языкѣ	520
Творительный предикативный въ польскомъ языкѣ.....	522
— — — въ литовскомъ языкѣ.....	533
Заключеніе	534

ВВЕДЕНИЕ ¹⁾.

I.

Что такое слово? Определеніе отдѣльнаго слова, какъ единства членораздѣльнаго звука и значенія, по видимому, противорѣчитъ обычному утверженію, что „одно и тоже слово не только въ различныя времена или по различнымъ нарѣчіямъ одного и того же языка“, но и въ одномъ и томъ же нарѣчьи въ опредѣленный періодъ „имѣетъ различныя значенія“ (Буслаевъ. Гр. § 112).

Говоря такъ, представляемъ слово независимымъ отъ его значеній, т. е. подъ словомъ разумѣемъ лишь звукъ, при чемъ единство звука и значенія будетъ не болѣе единства дупла и птицъ, которыя въ немъ гнѣзятся. Между тѣмъ членораздѣльнаго звука безъ значенія не называемъ словомъ. Такой звукъ есть искусственный фонетическій преларать, а не слово.

Для разъясненія этого и подобныхъ недоумѣвій полезно имѣть передъ глазами хоть небольшой отрывокъ исторіи слова. Вотъ напр. что мы знаемъ о словѣ верста. Прежде всего оно неизаимствовано ни изъ готскаго, гдѣ *gasta*, *milliagre* (Срезневскій, Мысли объ ист. Рус. яз. 137), ни откуда бы ни было. Далѣе оно неимѣетъ ничего общаго со взятымъ изъ нѣмец. верстать (сущ. ж.), верстакъ, польск. *warsztat*, лит. *warksztotas*. При немъ стоитъ верс-тва, несмотря на различіе въ суффиксахъ, не представляющее замѣтныхъ отличій въ значеніяхъ. Передъ суф.-та и -тва *c*—изъ *m*, что дѣлаетъ возможнымъ сродство съ верт-ѣтъ. Что это сродство дѣйствительно существуетъ, въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ литовскимъ и латинскимъ. Литов. *wars-ta-s* (ж. р.) собственно поворотъ (плуга), длина борозды, проведши которую плугъ поварачиваютъ, мѣра разстоянія, *ein pfluggewende*, мѣра 2 поля; лит. *warsmas*, *warsnas*, *warsnis*, *id*; *s*, по всей вѣроятности, не прямо изъ *t* передъ *m*, *n* (Schl. Lit. Gr. § 23, 5), а изъ *ss*, которое изъ *ts*, такъ что суффиксы здѣсь—*sma*, *sna*, *sni*. Лит. *warsna* (ж. р., суф.—*sna*) во мн. ч. *das gewende*, въ един. *warsna gaszto*, отдѣлъ (писанія), параграфъ. Латин. *versus* [буквально=литов. *warstas*, съ тою разницею, что *tt* въ латин.—*s*, какъ въ *versum* (*t-tum*), *tonsum* (*d-tum*)], пово-

¹⁾ 1-е изд. въ Филологич. Записк. 1874.

ротъ, заворотъ, въ частности заворотъ плуга на концѣ нивы (=versura), откуда—борозда, мѣра разстоянія, а затѣмъ полевая квадратная мѣра, какъ чешск. honu, рус. польск. загонъ, zagon (поля); по сходству съ бороздою—стихъ, строка. [Сравненіе оранья (и сѣянья) съ писаньемъ весьма распространено: ср. греч. βουστροφῆδόν и загадки: лит. kurs, kytgas gimęs, su žasele arie? rasztininks su plunksna (Schl. Leseb. 64), кто, хитрымъ (мудрымъ) родившись, гусью ореть? писарь перомъ; мр. білое поле, гусь на нем оре, мудрый го сіе (Номистъ, 303); мудрый мудрецъ гусью ореть (ib); вр. „пятеро пашуть“=рука пишетъ (Даль, 449)]. Такимъ-же образомъ и въ верста находимъ слѣдующія значенія:

а) Изъ предполагаемаго „поворотъ плуга“—борозда, сохраненное въ сербскомъ (врста).

б) Обыкновенная, впрочемъ различная въ разныхъ мѣстахъ длина борозды становится путевою мѣрою, (напр. Новг. лѣт. I, 14 подъ 1168: воротиться отъ города за 30 версты; Ип. лѣт. 93, 94, 106, и др.) Безъ сомнѣнія, мѣра эта сначала была значительно меньше восьмисотной и пятисотной версты. Ср. вр. гоны, разстояніе, какое лошадь въ сохѣ проходитъ неповорачивая назадъ; длина пашенной полосы; гряды въ полѣ. служащая межою; мѣра длины, близкая къ длинѣ загова, нивы, отъ 7 сажень до полуверсты и версты; мр. гоны—длина лана, около 80 саженей; чешск. honu—длина въ 125 шаговъ, затѣмъ—jitro (утро, уповодъ). jugerum, gewende, 1/2 дня поля. Ср. также Iliad. X, 351 сл. (и Odys VIII, 124):

*ἀλλ' ὅτε δὴ ρ'ἀλέην ὄσον τέλι οὔρα πέλονται
ἠμιότων, αἰ γάρ τε βοῶν προφερῆστεραῖ εἶδιν
ἔλξιμεγα γειοτο βαθείης πηχτὸν ἄροτρον...*

гдѣ различаются, какъ мѣра разстоянія, мѣровые гоны отъ воловыхъ.

3 Поттъ (Zeitschr. f. vergl. Spr. VIII, 21) предполагаетъ, что въ основаніи русск. верста въ этомъ значеніи лежитъ представленіе равныхъ пространствъ, обозначаемыхъ столбами (durch die wiederkehr eines pfahles), т. е. онъ видитъ связь этого слова съ корнемъ варт въ возвращеніи столбовъ, но тѣмъ неменѣе указываетъ на сходство съ versus, въ коемъ ничего подобнаго не находится. Значеніе мѣры въ верста, конечно, древнѣе того времени, когда стали ставиться верстовые столбы.

в) Русск. верста, верзило, высокорослый человѣкъ (презрительно)—не непремѣнно отъ значенія „верстовой столбъ“, а и отъ мѣры пути. Дорога загадывается такъ: „довга Гася (v. лежитъ Гася) простяглася, а якъ устане, до неба достане (мр.); лит. kad atsitėstu, dangų paremtu; kad rankas turėtu, wagi sugautu, еслибъ всталъ (путь, kelies м. р.) до неба бѣ досталъ, еслибъ руки имѣлъ, вора бѣ поймалъ.

г) Русск. верста, верстовой столбъ, по такому же переходу мысли, по какому гоны получаютъ значеніе версты, какъ предѣла нивы.

д) Отъ значенія борозды, какъ прямой, длинной,—верста, рядъ предметовъ по прямой линіи, напр. кирпичей въ стѣнѣ, камней въ мостовой. Отсюда же в.-луж. *worszta*, слой сноповъ въ клунѣ; поль. *warsta*, *warstwa*, чеш. *vrstva*, *vrstev*, слой; хорут. *versta*, рядъ вообще, въ томъ числѣ и строка: ро *vrsti*, по ряду, рядами, по порядку; *jedno-, dvojtroj-, kelikovrst*, въ одинъ, въ два, во сколько рядовъ, *simplex*, *duplex* etc. Отсюда хорут. серб. *vrsta* разрядъ, классъ, сословіе; серб. *vrstan* човѣкъ, порядочный, почтенный; серб. *vrstati se*, становиться въ рядъ [Со значеніемъ ряда ср. литов. *eile*, борозда, строка, стихъ, слой, степень родства, рядъ, боевой строй, порядокъ. Ближайшая форма корня—*il* изъ предполагаемаго *ig*, а это изъ *ag* или въ значеніи *орать* (лит. *arti* и сродное съ нимъ *irti*, *gemigare*), или со значеніемъ *ити* (санскр. *ar* со специальными временами отъ *арч*). Въ послѣднемъ случаѣ ср. греч. *στοίχος*, рядъ, линія, порядокъ, боевой строй, стихъ, при *στέλλω*, *иду*, санскр. *стигн*, *ascendere*, гот. *staiga*, слав. *стѣзи* и пр. *Curt. Grundz.* 4 I, № 177].

е) Отъ значенія борозды, какъ идущей рядомъ съ другою и равной съ нею, ст. рус. и ст. сл. *врѣста*, *врѣста* и соврем. вр. *верста*, *пара*, *ровня*: „божьствыная и свѣтозарыная *врѣста* *Борисе* и *Глѣбе*“ (до 1163 года, Срезн. Пам. Рус. п.; тамъ же „*Борисе* и *Глѣбе* мученика святыя и супруга“ (пара, какъ пара воловъ въ ярмѣ). Отсюда вр. *верстать*, *ровнять*.

ж) Отъ значенія *версты*, какъ длины (пройденной), согласно съ обычнымъ представленіемъ времени пространствомъ и жизни путемъ, *идеть* ст. рус. и ст. сл. *врѣста*, *врѣста*, *возрасть* („отъ *млады* *врѣсты*“, „*юнь* *верстою*“). Съ *врѣсты* *никъ* (серб. *врѣникъ*)—имѣющій одну *версту* съ другимъ, *однолѣтокъ* и въ этомъ смыслѣ *ровня*, и, какъ жена, мужъ называются *ровнею*, такъ въ слѣдующемъ съ *врѣсты* *ниця*, жена: „*мужи* *плакахуся* съ *врѣсты* *ниця* *своихъ*“ (Ип. л. 200).

Изъ этихъ значеній неменѣе 3—4 живетъ въ одно время въ русскомъ языкѣ, въ какихъ бы тѣсныхъ предѣлахъ мы его ни понимали, Совершенно случайно, что они несохранились всѣ.

И такъ слово *верста*, по видимому, многозначительно; но таково оно лишь въ томъ видѣ, въ какомъ является въ словарѣ. Между тѣмъ дѣйствительная жизнь его и всякаго другого слова совершается въ рѣчи. Говоря „*пять* *верствъ*“ я разумѣю подъ „*верствъ*“ не рядъ, не возрастъ и пр., а только мѣру разстоянія. Слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не вѣсколькимъ, т. е. каждый разъ, какъ произносится, или понимается, имѣетъ неболѣе одного значенія. Сравнивая отдѣльный актъ рѣчи „*пять* *верствъ*“, „отъ *млады* *врѣсты*“ и т. п. и отвлекая общее, находимое въ этихъ актахъ, мы должны считать это общее лишь сокращеніемъ, а не неизмѣнною субстанціей, окруженною измѣнчивыми признаками. Въ дѣйствительности не только *верста*

==500 сажень есть слово отдѣльное и отличное отъ верста=возрасть, б верста=пара, но и верста въ одномъ изъ этихъ значеній есть иное слово, чѣмъ версты, верстѣ и т. д. въ томъ же лексическомъ значеніи, т. е. малѣйшее измѣненіе въ значеніи слова дѣлаетъ его другимъ словомъ. Такимъ образомъ, пользуясь выраженіемъ „многозначность слова“, какъ множественномъ другихъ неточныхъ выраженій, сдѣлаемъ это выраженіе безвреднымъ для точности мысли, если будемъ знать что на дѣлѣ есть только однозвучность различныхъ словъ, то есть то свойство, что различныя слова могутъ имѣть одни и тѣже звуки. Однозвучность эта частью оправдывается единствомъ происхожденія словъ, частью же происходитъ отъ уравнивающего дѣйствія звуковыхъ стремленій языка, дѣйствія, въ общемъ имѣющаго психологическое основаніе, но независимаго отъ особенности значенія слова. Напр. родъ, лобъ мѣстами произносятся какъ ротъ, лопъ, не въ силу своего значенія, а потому что всякій звучный согласн. зв. на концѣ превращается въ отзвучный; нѣм. *bratrappe* превратилось въ русс. противень, не потому, что скворода чѣмъ либо напоминаетъ вещь противную другой, т. е. соответствующую или равную ей, а потому что нѣм. слово своими звуками напомнило русское. Греч. *προς-φορά* уже въ древ. русс. не позже XII в. явилось въ формѣ проскура (Впраш. Кюрик., Калайдов. Пам. Росс. слов. XII в. 173; Житіе Феодос. по сп. XII в.), какъ и нынѣ въ мр. и др., за чѣмъ сколько извѣстно не послѣдовало никакого сближенія значеній съ про и скора, шукура или другими туземными словами. Отъ чисто-фонетической нивелляціи словъ отличны случаи такъ называемой нѣмецкими учеными „народной этимологіи“ (*volksetymologie*), когда этимологически непонятное слово сближается и по смыслу со словомъ понятнымъ и когда т. о. въ семейство дѣйствительно родственныхъ словъ ошибочно вводятся слова первоначально чуждыя этому семейству. Напр. лат. *summa*, итогъ, понятое какъ складчина или сбереженіе, переходитъ въ мр. *сумá* („невелика сумá грошей“ у Квитки); лат. *levisticum*—въ нѣм. *lieb-stöckel*, откуда мр. любистокъ, которымъ поятъ „для любощів“; лат. *cent-augium* (изъ греч., кентаврово зелье) сближенное съ *centum* и *aureus*, дало нѣм. *tausendgüldenkraut* (Pott, *Etym. Forsch.* II, 4, 333), откуда мр. золототысячникъ.

Откуда бы ни происходила родственная связь однозвучныхъ словъ, слова эти относятся другъ къ другу, какъ предъидущія и послѣдующія. Безъ первыхъ не были бы возможны послѣднія. Обыкновенно это называютъ развитіемъ значеній слова изъ одного основнаго значенія, но, согласно со сказаннымъ выше, собственно это можно назвать только появленіемъ цѣлаго слова, т. е. соединенія яленораздѣльнаго звука и одного значенія, изъ слова предъидущаго.

II.

Представленіе и значеніе.

Когда говоримъ, что А значитъ, или означаетъ Б, напр. когда видя издали дымъ заключаемъ: значитъ тамъ горить огонь; то мы познаемъ Б посредствомъ А. А есть знакъ Б, Б есть означаемое этимъ знакомъ, или его значеніе. Знакъ важенъ для насъ не самъ по себѣ, а потому, что будучи доступнѣе означаемого, служитъ средствомъ приблизить къ себѣ это послѣднее, которое и есть настоящая цѣль нашей мысли. Означаемое есть всегда нѣчто отдаленное, скрытое, трудно-познаваемое сравнительно со знакомъ.

Понятно, что функции знака и значенія не разъ вавсегда связаны съ извѣстными сочетаніями воспріятій, и что бывшее прежде значеніемъ въ свою очередь становится знакомъ другого значенія.

Въ словѣ тоже совершается актъ познанія. Оно значитъ нѣчто, т. е. кромѣ значенія должно имѣть и знакъ. Хотя для слова звукъ такъ необходимъ, что безъ него смыслъ слова былъ бы для насъ недоступенъ, но онъ указываетъ на значеніе не самъ по себѣ, а потому, что прежде имѣлъ другое значеніе. Звукъ верста означаетъ мѣру долготы, потому что прежде означалъ борозду; онъ значитъ „борозда“, потому что прежде значилъ „поворотъ плуга“ и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не остановимся на малодоступныхъ изслѣдованію зачаткахъ слова. Поэтому звукъ въ словѣ не-есть знакъ, а лишь оболочка, или форма знака; это т. е. знакъ знака, такъ что въ словѣ не два элемента, какъ можно заключить изъ вышеприведеннаго опредѣленія слова, какъ единства звука и значенія, а три.

Для знака въ данномъ словѣ необходимо значеніе предъидущаго слова, но знакъ не тождественъ съ этимъ значеніемъ; иначе данное слово и сверхъ своего значенія заключало бы и всѣ предъидущія значенія.

Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпакъ лампы и спрашиваю: „что это такое“? Ребенокъ много разъ видалъ эту вещь, но не обращалъ на нее вниманія. Онъ ее не знаетъ, такъ какъ сами по себѣ слѣды впечатлѣній не составляютъ знанія. Я хочу не столько того, чтобы онъ дополнилъ впечатлѣнія новыми, сколько того, чтобы онъ объединилъ прежнія и привелъ ихъ въ связь со своимъ запасомъ сознанныхъ и приведенныхъ въ порядокъ впечатлѣній. На мой вопросъ онъ отвѣчаетъ: „арбузикъ“. Тутъ произошло познаніе посредствомъ наименованія, сравненіе познаваемого съ прежде познаннымъ. Смыслъ отвѣта такоу: то, что я вижу, сходно съ арбузомъ.

Назвавши бѣлый стеклянный шаръ арбузомъ, ребенокъ недумалъ приписывать этому шару зеленого цвѣта коры, красной середины съ та-

кимъ то узоромъ жилокъ, сладкаго вкуса; между тѣмъ подѣ арбузомъ въ слыслѣ плода онъ разумѣль и эти признаки. Изъ значенія прежняго слова въ новое вошелъ только одинъ признакъ, именно шаровидность. Этотъ признакъ и есть знакъ значенія этого слова, Здѣсь мы можемъ назвать знакъ и иначе: онъ есть общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основаніе сравненія, *tertium comparationis* въ словѣ.

Такъ и въ прежде приведенныхъ примѣрахъ: кто говоритъ „верста“ въ значеніи ли опредѣленной мѣры длины, или въ значеніи ряда, или пары, тотъ недумаетъ въ это время о бороздѣ, проведенной по полю плугомъ или сохою, парю воловъ или лошадей, а беретъ изъ этого значенія каждый разъ лишь по одному признаку: длину, прямизну, параллельность. Одно значеніе слова, вслѣдствіе своей сложности, можетъ послужить источникомъ нѣсколькимъ знакамъ, т. е. нѣсколькимъ другимъ словамъ. И такъ знакъ, по отношенію къ значенію предъидущаго слова, есть лишь указаніе, отношеніе къ этому значенію, а не воспроизведеніе его. Согласно съ этимъ неслѣдуетъ смѣшивать знака въ словѣ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ собственнымъ значеніемъ слова, противопоставляемымъ значенію переносному ¹⁾. Собственное значеніе слова есть все значеніе предъидущаго слова по отношенію къ послѣдующему, а гдѣ нетребуется особенной точности—даже совокупность нѣсколькихъ предъидущихъ значеній по отношенію къ нѣсколькимъ послѣдующимъ. Напр. можно сказать, что бѣлый, *albus*, *lucidus*, есть собственное по отношенію къ бѣлый, добрый, прекрасный, милый (какъ отчасти въ русскомъ, а особенно въ лит. *balts*). Въ томъ, что мы относительно называемъ собственнымъ и что въ свою очередь есть переносное по отношенію къ своему предшествующему, можетъ быть нѣсколько признаковъ, между тѣмъ какъ въ знакѣ только одинъ. Бѣлый, *albus*, есть въ равной мѣрѣ собственное по отношенію къ бѣлый, вольный, и къ бѣлый, добрый, но знаки во второмъ и третьемъ словѣ (иначе: основанія сравненій съ первымъ) различны. Такъ какъ въ данномъ словѣ, рассматриваемомъ какъ дѣйствительное явленіе, а не отвлеченіе, находимъ всегда только одно значеніе, то не примѣняясь къ принятой терминологіи, а видоизмѣняя ее по-своему, мы не можемъ говорить ни о собственномъ, ни о переносномъ значеніи даннаго слова; предъидущее значеніе есть для насъ значеніе не того слова, которое рассматриваемъ, а другого. Каждое значеніе слова есть собственное, и въ тоже время каждое, въ предѣлахъ нашего наблюденія,—производное, хотя бы то, отъ котораго произведено, и было намъ неизвѣстно.

¹⁾ „Между многими значеніями одного и того же слова отличаемъ такое, которое по нашимъ понятіямъ кажется намъ *собственнымъ*, а остальные *переносными*; напр. въ *бѣлый* значеніе *бѣта* называемъ *собственнымъ* (напр. бѣлая бумага), а значеніе *свѣта* *переноснымъ* (напр. бѣлый день, бѣлый свѣтъ)“ Буслаевъ. Гр. § 143.

И съ другой стороны, по отношенію къ значенію послѣдующаго слова, знакъ есть только указаніе. Онъ только намекаетъ на это значеніе даетъ возможность въ случаѣ надобности остановиться на немъ и постепенно привести его въ сознаніе, но позволяетъ и неостанавливаться. 9

Знакъ въ словѣ есть необходимая (для быстроты мысли и для расширенія сознанія) замѣна соответствующаго образа или понятія; онъ есть представитель того или другого въ текущихъ дѣлахъ мысли, а потому называется представленіемъ. Этого значенія слова представленіе значенія, имѣющаго особенную важность для языкознанія и обязаннаго своимъ происхожденіемъ наблюденію надъ языкомъ, неслѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, болѣе извѣстнымъ и менѣе опредѣленнымъ, по которому представленіе есть тоже, что воспріятіе или чувственный образъ, во всякомъ случаѣ—совокупность признаковъ. Въ такомъ значеніи употребляютъ слово представленіе и Буслаевъ: „отдѣльнымъ словомъ означаются представленія и понятія“ (Грамм. § 106). Въ томъ смыслѣ въ какомъ мы принимаемъ это слово, согласно со Штейнталемъ (vorstellung) и другими, представленіе неможетъ быть означаемымъ: оно только означающее.

Представленіе, тождественное съ основаніемъ сравненія въ словѣ, или знакомъ, составляетъ непремѣнную стихію возникающаго слова; но для дальнѣйшей жизни слова оно необходимо. Какъ извѣстно, есть много словъ, связь коихъ съ предъидущими не только нечувствуется говорящимъ, но неизвѣстна и наукѣ. Почему напр. рыба названа рыбой, или иначе говоря: какъ представляется рыба въ этомъ словѣ? Значеніе здѣсь непосредственно примыкаетъ къ звуку, такъ что кажется, будто связь между ними произвольна. Говорятъ, что представленіе здѣсь есть, но оно совершенно пусто (безсодержательно) и дѣйствуетъ, какъ нуль въ обозначеніи величинъ арабскими цифрами: разница между 3. 30. 0,3 зависитъ отъ пустого мѣста при 3, обозначаемого нулемъ (Steinthal, Gram. Log. u. Psychol. 334). Кажется однако, что такимъ образомъ лишь напрасно затемняется значеніе термина „представленіе“ Въ словѣ рыба содержаніе не представляется никакъ, а потому представленія въ немъ вовсе нѣтъ, оно потеряно. Значеніе 10 имѣетъ здѣсь только внѣшній знакъ т. е., звукъ. Этимъ однако неигладилась разница между этимъ словомъ и соответственнымъ словомъ другого языка, напр. piscis, или литов. žuvis. Разница между ними съ самаго начала состояла, кромѣ звука, не въ одномъ знакѣ, или представленіи, но и въ количествѣ и качествѣ предикатовъ, вещественнымъ средоточіемъ коихъ служило представленіе. Эта послѣдняя разница осталась и послѣ того, какъ представленіе исчезло, если угодно, превратилось въ математическую точку.

Что такое „значеніе слова“? Очевидно, языкознаніе, неуклоняясь отъ достиженія своихъ дѣлей, рассматриваетъ значеніе словъ только до

извѣстнаго предѣла. Такъ какъ говорится о всевозможныхъ вещахъ, то безъ упомянутаго ограниченія языкознание заключало бы въ себѣ, кромѣ своего неоспоримаго содержанія, о которомъ несудить никакая другая наука, еще содержаніе всѣхъ прочихъ наукъ. Напр. говори о значеніи слова дерево, мы должны бы перейти въ область ботаники, а по поводу слова причина или причиннаго союза—трактовать о причинности въ мірѣ. Но дѣло въ томъ, что подъ значеніемъ слова вообще разумѣются дѣй различныя вещи, изъ коихъ одну, подлежащую вѣдѣнію языкознанія, назовемъ ближайшимъ, другую, составляющую предметъ другихъ наукъ,— дальнѣйшимъ значеніемъ слова. Только одно ближайшее значеніе составляетъ дѣйствительное содержаніе мысли во время произнесенія слова. Когда я говорю „сѣжу за столомъ“, я неимѣю въ мысли совокупности раздѣльныхъ признаковъ сидѣнья, стола, пространственнаго отношенія за и пр. Такая совокупность, или понятіе, можетъ быть передумана лишь въ теченіе ряда мгновеній, посредствомъ ряда умственныхъ усилій, и для выраженія своего потребуетъ многихъ словъ. Я неимѣю при этомъ въ мысли и живого образа себя въ сидячемъ положеніи и стола, образа, подобнаго тому, какой мы получаемъ напр. когда закрывши глаза стараемся мысленно изобразить себѣ черты знакомаго лица. Несмотря на такое отсутствіе во мнѣ полноты содержанія, свойственной понятію и образу, рѣчь моя понятна, потому что въ ней есть опредѣленіе мѣста въ мысли, гдѣ искать этой полноты, опредѣленіе достаточно точное для того, чтобы несмѣшать искомаго съ другимъ. Такое опредѣленіе достигается первоначально посредствомъ представленія, а за тѣмъ и безъ него, однимъ звукомъ. Пустота ближайшаго значенія, сравнительно съ содержаніемъ соответствующаго образа и понятія, служить основаніемъ тому, что слово называется формою мысли.

Ближайшее значеніе слова, одно только составляющее предметъ языкознанія, формально вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ извѣстныя языки, въ отличіе отъ другихъ, называются формальными, различающимися вещественное и грамматическое содержаніе. Формальность, о которой здѣсь рѣчь, свойственна всѣмъ языкамъ, все равно, имѣютъ ли они грамматическія формы, или нѣтъ. Ближайшее, или формальное значеніе словъ, вмѣстѣ съ представленіемъ, дѣлаетъ возможнымъ то, что говорящій и слушающій понимаютъ другъ друга. Въ говорящемъ и слушающемъ чувственные воспріятія различны, въ силу различія органовъ чувствъ, ограничиваемаго лишь родовымъ сходствомъ между людьми. Еще болѣе различны въ нихъ комбинаціи этихъ воспріятій, такъ что когда одинъ говоритъ напр. „это нѣкленъ“ (дерево), то для другаго вещественное значеніе этихъ словъ совсѣмъ иное. Оба они думаютъ при этомъ о различныхъ вещахъ, но такъ, что мысли ихъ имѣютъ общую точку соприкосновенія: представленіе (если оно есть) и формаль-